

Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года, помещенные в "Деннице" и "Северных цветах"

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

Путешественник, совершая свой дневной переход, останавливается на возвышениях, встречающихся ему, и смотрит на пройденное пространство. Такие *обозрения* полезны не на одних столбовых, покрытых пылью дорогах, среди зеленых равнин, но на всех путях. Они воскрешают в человеке воспоминания и составляют для него как бы сокращение замечательнейших случаев и встреч в минувшем, из соображения которого он видит успех настоящего и запасается опытностью для будущего. Но с такою ли целью, с таким ли желанием лучшего в будущем пишут у нас обозрения литературы, по временам являющиеся в журналах и альманахах? Не руководствуют ли пишущих, не бывают ли для них побудительною причиною отношения посторонние, желание похвалить *своих*, задеть *чужих*, дать ход своему или приятельскому повременному изданию? Мы не хотим отыскивать сих нелитературных отношений в обозрениях, написанных гг. Киреевским и Сомовым; но будем беспристрастны в рассмотрении нашем: ибо не прямое желание добра литературе, неблагонамеренность, когда дело идет о сем нежном, лучшем цвете нашего времени, есть святотатство, которое критика должна преследовать всюю строгостью своего правосудия.

Всякий, принимающийся обозревать литературу, должен, казалось бы, помнить, что он хочет говорить о выражении умственной жизни народа. Однако ж сей обязанности не принимал на себя г. Сомов: он, в самом начале статьи своей, объявляет, что его цель есть "по возможности полный отчет о журналах и книгах", то есть род библиографической переключки. Он рассказывает читателям свои мысли о каждом упоминаемом им произведении, по крайнему разумению. Судить вправе всякий; но какая же надобность нам, если г-ну Сомову нравится или не нравится то или другое? Мы будем рассматривать только те места обозрения его, в коих он излагает какую-нибудь теорию, ибо о вкусах спорить нельзя. Но большее внимание должны мы обратить на статью г-на Киреевского, которая почти вся связана одним духом, если не теориею. Начнем с общего его взгляда.

По мнению г-на Киреевского, русская литература XIX столетия разделяется на три эпохи: "Характер первой определяется влиянием Карамзина; средоточием второй была муза Жуковского; Пушкин может быть представителем третьей".

Все это представительство отзывается аристократством, неуместным в литературе и несправедливым. Можно ли сравнивать влияние Карамзина, преобразователя всей литературы своего времени, с влиянием Жуковского, действовавшего на одну поэзию, и Пушкина, который доньше оставался образцом в одном своем роде, следовательно, также не мог иметь влияния на литературу вообще? Жуковский и Пушкин были преобразователями в поэзии, но едва ли малейшее влияние имели они на общий дух нашей литературы, едва ли сколько-нибудь возбуждали они деятельность в современных прозаиках, ибо поэзия не составляет еще всей литературы. Влияние писателя на литературу возможно тогда только, когда сочинения его образуют какую-нибудь эстетику: так, Карамзин был истинным светилом русских литераторов его времени. В "Письмах русского путешественника" он явился и критиком, и поэтом, и собственно эстетиком; в последующих сочинениях своих он был образцом почти во всех родах: и мы понимаем его влияние на литературу. Напротив, Жуковский и Пушкин, превосходные поэты, но частные представители в литературе, не могли подвинуть вперед эстетики общества русского.

После сего мы никак не можем согласиться с автором и в его *переходах* словесности от Карамзина к Жуковскому, а от сего последнего к Пушкину. И зачем воображать себе то, чего не было? Сотня или две стихотворцев, подражавших и подражающих доньше Жуковскому и Пушкину, не составляют всей словесности нашей в продолжение почти тридцати лет. Напомним автору о том, что упустил он из виду, увлекшись своим мечтательным делением.

Начало нынешней образованности нашей представляет в летописях мира явление необыкновенное. Могущественный гений нашего Преобразителя вдвинул нас в Европу и положил начало всему, что совершается у нас в настоящее время. Преемники его, следуя направлению, данному России Петром, с большим или меньшим успехом, смотря по обстоятельствам, довершали силою власти своей то, что в других государствах производилось естественно, и потому они образовывали только приближенных своих или, сказать вернее, окружали себя людьми образованными. Это имело следствием нынешнюю утонченность нравов нашего высшего общества, бесхарактерность нашего образования вообще и подражательность в литературе, ибо и литература наша образовывалась не естественным развитием умственных сил, но прививкою или чем-то похожим на лепную работу по данному образцу. У нас были